

УДК 801. 3

СМЫСЛОВЫЕ ГРАДАЦИИ В РАМКАХ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2008 г.

С.Н. Переволочанская

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

peresvetnik@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.05.2008

Рассматриваются сложные семантические взаимоотношения внутри слова. Слово как многогранная единица обладает символической знаковостью, которая определяет движение и накопление смысла внутри представленной единицы. Анализ смысловых отношений производится автором в рамках синонимического ряда, функционирующего в языке А.С. Пушкина.

Ключевые слова: вероятностное поле слова, слово-символ, метаморфирующая единица, семантический парадокс, моделируемый подтекст.

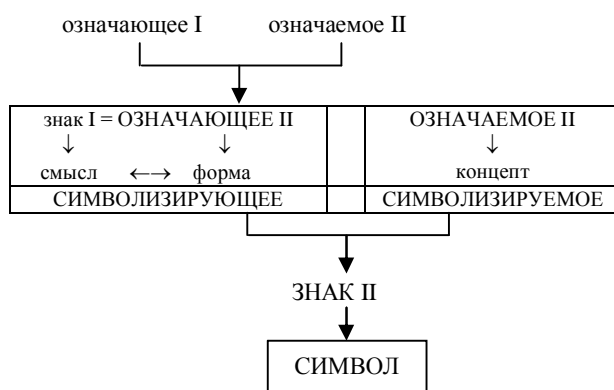
Слово представляет собой сложную многомерную единицу. Информация, полученная извне, свертывается в нем во всей своей накопительной силе. Нерасчлененный информационный поток должен подвергнуться процессу вычленения и «прессования». Объем полученных минимальных содержательных единиц позволяет определить их как «глобальные мыслительные единицы» (6, 4). Последние могут быть представлены в виде страт, отражающих разную степень отвлеченности. Квинтэссенция данной категориальной конструкции – предельная семантическая абстракция, свидетельствующая о максимальной степени удаленности от реальности изображаемого объекта. В этом смысле слово – «хамелеон», кружок, заполняемый «каждый раз по-новому», поперечный разрез «разных лексических и функциональных слоев» [7, с. 71]. Малейшие изменения в слове делают его другим словом, оставляя его при этом все тем же знаком. Вероятностное поле слова, его стохастическая структура дают возможность представить слово не как точку, а как определенную зону семантического и грамматического рассеивания. По сути дела, слово – это инвариант во всем дистрибутивном богатстве вариантов.

Слово дуалистично: с одной стороны, слово – единица языка, с другой, оно – знак семиотики. Семантическая структура данной языковой единицы сложнее любого другого знака семиотики в силу своей универсальности и первичности. Слово как языковая единица противопоставлено «знаку вообще по признаку многомерности» [8, с. 19]. Знак уравнивает семантическое движение в слове. Слово не просто знак, а знак с приращенным значением, т.е. символ, «одновременно имеющий и собствен-

ное значение, и переносное, и в единстве этих значений указывающий на нечто третье, что создает значение общее» [4, с. 16]. Символ всегда использует готовый знак в качестве символизирующего, формы воплощения в нем нового содержания, символизируемого. Символ – метаязыковое явление, элемент вторичной семиологической системы: старая форма пускает корни в новом смысле, «смысл перестает быть сдавленным понятием» (Н. Бердяев). Тогда становится очевидным, что слово-знак обладает только значением, а слово-символ приобретает смысл. Эта метаморфирующая единица не есть нечто ставшее, статичное, конечный результат семантических превращений. Это семантически индуцированное поле с постоянно осуществляющимся круговоротом смысла. Отсюда вытекает важный тезис: слово – **к о д о в о е** обозначение смыслового поля. Таким образом, можно констатировать: слово бесконечно в своих проявлениях. «Слово нужно рассматривать в его семантическом развятии, в его системном движении, в его категориальных отношениях к тому, что оно означает и что оно, в конце концов, значит» [4, с. 36]. Возникает семантический парадокс: слову тесно в заданных границах, оно пытается сбросить с себя гнет формальных «оков». И тогда сущность его проявляется в трех аспектах своего бытия: *нейтральное слово* (слово языка) для говорящих на данном языке, *чужое слово*, принадлежащее другому воспринимающему сознанию (оно наполнено отзвуками чужих высказываний), *мое слово*, употребляемое автором в определенной ситуации, пронизанное авторской интенцией и экспрессией. Первое, нейтральное слово, внеэмоционально, чужое и мое – экспрессивно, т.к. эмоция – это прерогатива живого употребления.

По сути дела, слово имеет широкий диапазон бытования, оно и лексема (нейтральное слово), и речь, и высказывание (чужое слово и мое слово), и даже жанр. Это позволило М. Бахтину определить слово как «аббревиатуру высказывания» [2, с. 268], что, собственно, указывает на потенциальную *предикативность* слова. Слово метаморфирует, порождая смысловые «приливы», «отливы», процессы смысловой редукции, ассимиляции и даже диссимиляции.

Символическая природа слова неодинакова. На наш взгляд, причина этого кроется в значимой форме (готовом знаке) символизирующего. Воспользовавшись элементами схемы смещения значения, приведенной Р. Бартом, дадим описание составляющих символа:

В этой схеме отчетливо прослеживаются две семантические ступени построения символа. I ступень – это готовый знак, необходимый для создания символа, он же, в свою очередь, является означающим второй ступени, которая как бы встроена в первую. Обратим внимание на то, что означающее (II) есть двусторонняя сущность: во-первых, это смысл, предполагающий толкование известного содержания, опирающегося на некоторые знания (*смысловое отражение* как факт процесса обобщения); во-вторых, это форма, которая «отодвигает» данный смысл на второй план. «Смысл теряет свою собственную значимость, но продолжает жить, питая собою форму... Смысл является для формы чем-то вроде хранилища конкретных событий, которое всегда находится под рукой; ... все время возникает необходимость, чтобы форма снова могла пустить корни в смысле» [1, с. 82–83].

Таким образом, становится очевидным то, что богатство значимой формы порождает глубину смыслового «контекста» слова. Иллюстрацией данного положения могут служить отношения между членами синонимической парадигмы. В качестве примера воспользуемся синонимическим рядом, изъятым из «Опыта си-

нонимического словаря языка А.С. Пушкина» [5, с. 62–64]. Этот ряд можно расширить за счет введения в него мифонимов, использование которых в символической функции является отличительным признаком пушкинской эпохи. Номинально этот ряд выглядит следующим образом: *женщина, дама, баба, жена, бабенка, богиня, царица, Венера, Киприда, Минерва, Муза, Гебея, Цирцея, Диана, Флора, перен. богородица, перен. богоматерь, в соч. крестница Киприды, наперсница Венеры, дитя Харит, рублевая Киприда, рублевая Варюшка.*

Семантическая доминанта ряда – *женщина*. Данная единица включает в себе предельно общее, связанное с гендерным фактором понятие, которое является основой объединения синонимов в данную парадигму, — 'лицо, противоположное мужчине по половому признаку'. Другие члены ряда характеризуются близким смысловым разбросом, при этом в контексте актуализируется та или иная специфика. Смысловое многообразие отражает цепочка импликаций. Отметим некоторые характерные семантические признаки ряда.

'Светскость' – *дама, жена, бабенка (стилистика маркировано)*. «Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки» *Дубровский*.

'Социально низкий статус' ('крестьянка') – *баба*. «Три утки полоскались в луже, шла баба через грязный двор Белье повесить на забор» *Граф Нулин*.

'Фольклорность образа' – *баба*. «Ум у бабы догадлив, на всякие хитрости повадлив» *Сказка о попе и работнике его Балде*.

'Образованность' – *женщина*. «Нет сомнений, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем» *Путешествие в Арзрум*.

'Замужество' – *баба, жена*. «Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки» *Из письма Н.Н. Пушкиной*.

'Женская зрелость' – *жена, баба, Минерва, Венера*. «Сюда приехала княгиня Вера Вяземская, добрая и милая баба, впрочем, уже не в первом цвете молодости» *Из письма В.Л. Пушкину*.

Наиболее ярко в данном синонимическом ряду отражены следующие признаки.

'Женская красота' – *Венера, Киприда, Гебея, богиня, Диана, Флора, Муза*. «И ныне Музу я на раут привожу» *Евгений Онегин*.

'Женщина как предмет поклонения' – *дама, царица, бабенка (стилистика маркировано), дитя Харит, наперсница Венеры, крестница Киприды*.

‘Красивая женщина как источник вдохновения’ – *перен. богоматерь, богородица*. «Ты богоматерь, нет сомненья, Не та, которая красой Пленила только Дух Святой <...> Есть бог другой земного круга <...> Им мучусь, им утешен я. Он весь в тебя – ты мать Амура, Ты богородица моя!» К***.

‘Красивая женщина-обольстительница’ – *богиня, Цирцея*. «Я твой – я променял порочный двор Цирцей, роскошные пиры, забавы, заблужденья На мирный шум дубрав, на тишину полей» *Деревня*.

‘Ветреная женщина, отличающаяся легкомысленностью поведения’ – *Цирцея, рублевая Киприда, рублевая Варюшка*.

В данном ряду значительное место занимают мифологические имена. В целом приращение смысла в них охватывает одинаковые области семантических отношений, при этом включаются некоторые смысловые нюансы, что и позволяет рассматривать мифонимы в системе символического обозначения как синонимы. Анализ материала показывает, что большей смысловой активностью по сравнению с другими членами синонимического ряда обладают мифологические имена-символы. Причина не только в их символической сущности, но и в характере поэтических контекстов. «Вкруг тонкого Гебеи стана Венерин пояс повяжи, Сокрытый прелестью Альбана Мою царицу окружи» *К живописцу*. Ассоциативная аура прилагательного в сочетании *Венерин пояс* становится «смыслоизлучающей», в результате чего это относительно устойчивое сочетание в поэзии воспринимается как символ женского очарования. Контекстное употребление мифонимов дает целый веер смысловых нюансов: это и особая женственность, это и реальная, почти осязаемая красота женских очертаний. Характерно, что имя *Гебея* выполняет здесь функцию условного поэтического имени. Но для Пушкина данное условно-поэтическое имя имеет прототип – Е.П. Бакунину. Таким образом, в имени, употребленном в символическом значении, как бы вибрируют одновременно два ассоциативных фона: импликационное поле характеризуемого мифонимом реального лица, на которое наслаивается сфера импликаций самого мифонима. Нечто похожее находим в следующих строчках, посвященных М.А. Дельвиг, сестре лицейского товарища. «Послушайте: Амур, как вы, хорош, Амур дитя, Амур на вас похож – В мои лета вы будете Венерой» *К бар. М.А. Дельвиг 1815*.

Функция имен в приведенном тексте – характеристика, сопровождающаяся положительной оценкой единичного факта реальности. *Амур* –

имя, в смысловом отношении соотносящееся с юношеско-девической красотой, прелестью. В мифониме *Венера* контекстные условия также выявляют смысловые приращения, суть которых заключается в выражении понятий о совершенной, зрелой женской красоте, т.е. красоте, выступающей в качестве некоего абсолюта, истины. Отсюда следует, что между именами *Амур* и *Венера*, изначально символически связанными с понятиями ‘красота’ и ‘любовь’, есть смысловое различие, определяющееся внутренней градацией, эволюцией, что позволяет им в рамках данного поэтического пространства выступать в качестве антонимов.

Очень часто конкретность предмету изображения придают эпитеты, встречающиеся рядом с именем богини любви и красоты: *ветреная Венера* – легкомысленная кокетка, *пылкая Венера*.

В сочетании *рублевые Киприды* применен прием столкновения разнородных стилистических стихий, создающий эффект стилистической сниженности. На основе этого происходит семантический сдвиг, выстраивается целый ряд эпитетов-синонимов, характеризующих полусветскую женщину – легкомысленную, поверхностную, бездумную, ветреную, беспечную, пустую. Тот же результат достигается в следующем тексте: «Мы пили – и Венера с нами Сидела, преля за столом» *27 мая 1819*. Употребление стилистически сниженного деепричастия от глагола *преть* рядом с именем *Венера* сужает значение имени до ощущения конкретного единичного предмета. Произошло вытеснение имени конкретного лица, и в данном контексте имя *Венера* представляет собой обобщенный символ, соотносящийся с понятием ‘женщина’. Та же условность при восприятии имени в следующем контексте: «Я люблю в Венере грудь, Губки, ножку особливо» *Царь Никита и сорок его дочерей*. Эта условность связана с желанием скрыть от глаз цензуры несколько фривольный сюжет сказки. Употребленные в уменьшительной форме слова *губки, ножку* создают двусмысленность: либо это ласковое отношение к возлюбленной, либо фамильярно-шутливое отношение к ветреной Венере. Ср. аналогичный контекст, олицетворяющий очарование, прелесть, чувственность и желание: «Дианы грудь, ланиты Флоры Прелестны, милые друзья!» *Евгений Онегин*.

Ряд мифонимов данного синонимического ряда выступает как средство качественной оценки лица (красивой женщины): *медная Венера* – об А.Ф. Закревской, отличающейся величественной, царственной красотой; *похотливая Минерва* – о Софье Киселевой, урожденной

гр. Потоцкой, чье имя ассоциируется и реально связано с образом Марии, ставшей бахчисарайской пленницей; *толсто* <---> *Минерва* – о Е.Н. Гладковой, двоюродной сестре А.Н. Вульфа; *степная Цирцея* – о случайно встреченной в путешествии молодой, гордой и красивой калмычке. Характерная особенность этих употреблений заключена в том, что мифонимы имеют при себе определения, в некоторых случаях дополняются притяжательным местоимением *твоя* (*твоя медная Венера, твоя похотливая Минерва*) и уточнением, собственным именем-фамилией. Все это низводит мифологическое имя-символ, использованное с целью оценочной характеристики, до ощущения единичного предмета – реального лица.

Стилистически ненормативное обозначение может быть использовано как выразительное средство оценочной характеристики определенного объекта – журнала «Бабочка», издаваемого Филимоновым: *рублевая парнасская Варюшка*. Здесь семантический сдвиг основывается на ономастической подмене: *Бабочка* → название журнала → (уменьшительно-пренебрежительное обозначение женщины легкомысленной, беспринципной) → качественная оценка внутреннего содержания издания. Сочетание, построенное по этому принципу, встречается у Пушкина в поэтическом языке – *рублевые Киприды*, где предмет изображения – полусветская женщина, легкомысленная и ветреная. В тексте *Киприды* трансформируются в *Варюшку*, впрочем, разница в этой замене невелика. Семантическая модификация предопределяется употреблением множественного числа имени собственного в сочетании *рублевые Киприды*, нарицательность использования мифонимов дает возможность отмежевать богиню красоты и любви от бездумной пустой женщины. *Варюшка* – тот же образ, созданный В.Л. Пушкиным в весьма фривольной поэме «Опасный сосед», но еще более сниженный. Введение в оборот *рублевая Варюшка* прилагательного *парнасский* создает опять-таки намеренную смысловую многоплановость (моделируемый подтекст) – характеристика своего рода «продажного» издания, не отличающегося приверженностью определенным взглядам (эстетическим, художе-

ственным), которому свойственна некая «всеядность», творческая «безнравственность», выражающаяся в поверхностности самого содержания. Данный контекст вполне мог служить примером смысловой диссимиляции, расподобления в значении.

В качестве итогового положения отметим следующее. Представленный синонимический ряд объединил слова с разным символическим объемом. Символическая сущность наиболее ярко выражена в мифониме, так как его форма сверхзначима для выражения концептуальных понятий. Мифоним – особая категория ономастических единиц, его лексический фон, импликационное поле проявляет многообразие связей с сюжетами античного мифотворчества. В речевом плане эти компоненты реализуются как эффект эмоционального воздействия, в котором предполагается взаимопроникновение разных пластов: эстетического, культурного через эмоциональный слой. В речевом употреблении происходит «всплеск» информации, вызванный соотносительностью с тем или иным ключевым сигналом – семантическим признаком, за счет чего контекстные условия преобразуют его в бесконечную цепь смысловых приращений.

Список литературы

1. Барт Ролан. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. 616 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.
3. Гречко В.А. Лексическая синонимика современного русского литературного языка. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1987. 153 с.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002. 448 с.
5. Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина / Под ред. В.А. Гречко; Сост. С.Н. Переволочанская, Е.Н. Широкова, И.В. Воденисова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. Вып.1. 186 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1999. 30 с.
7. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М.: Аграф, 2002. 496 с.
8. Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. 209 с.

GRADATIONS OF SENSE IN THE FRAMEWORK OF SYNONYMIC RELATIONS

S.N. Perevolochanskaya

The article is devoted to complicated semantic relations within the word. The word as a manifold unit possesses symbolic character which determines the movement and accumulation of sense within a given unit. The analysis of semantic relations is carried out with regard to a set of synonyms functioning in the language of A.S. Pushkin.